

РУБАШКА И СКОЛОТЕНЬ

Давно хотел научиться делать туеса, да всё не мог собраться и попростить дядю Илью показать, он у нас один по бересте, стариков-то почти и не осталось. В городах туясьями завалены все прилавки, но городские жители, а иностранцы тем более, народ тёмный, и не знают, что туясья-то все поддельные – клеёные. Настоящий туес собирается из двух частей: нутряной целиковой трубы, или сколотня, и внешней, завёрнутой в замок рубашки. Городские туеса сделаны без сколотня, их внутренняя часть клеёная. В таком туесе нельзя хранить ни молоко, ни квас, предмет теряет своё прикладное и историческое значение, становясь бутафорией.

Старые туеса, или бураки тёмные, у тёти Шуры они были прошиты по ободку корешками, она любила рассказывать, как собирали эти кедровые и еловые корешки по краю яра. Ещё из бересты делали чуманы – берестяные коробки для мелкой рыбы, их сворачивали на скорую руку прямо на реке и бересту по углам скрепляли деревянными прищепками. Из бересты плели пестеря для ягоды. Делали поплавки для сетей, а самая красота – это неводные кибасья, то есть груза. Кибас напоминает пирожок – это один или два камешка, плотно завёрнутые в бересту и заделанные корешками – шаргой. Из бересты делались тиски – щиты для берестяных остяцких чумов, что ещё в недавние времена стояли на берегу возле устья Сарчихи. Остяки рыбачили там с весны до осени. Были здесь ветеран войны дядя Петя и его жена тётя Груня Лямичи. У них тоже стоял чум у Сарчихи. Дядя Петя время от времени воспитывал тётю Груню и однажды за какую-то провинность привязал её за ногу, вроде как на якорь посадил. Ещё из

бересты эвенки делали лодки. Прекрасных предметов этих уже почти не осталось, и как бы ни хотелось научиться делать – себя не хватает, воли, собранности, поэтому я решил начать с туясьев, и в весенний июньский день с первыми незлыми комариками мы с дядей Ильёй поехали за сколотнем.

Сколотень снимают в пору самого сочения. Главное – выбрать кусок берёзы без «бородавок» и трещин. Берёзу валят, причём так, чтобы она осталась на пне, держась за щепу. Затем выше и ниже будущего сколотня очищают от бересты и коры.

Дядя Илья сделал рябиновый рожень – тонкий стволик рябины, очистил ножичком от коры и стесал с одной стороны. Потом по сочащему берёзовому боку начал загонять скользкий рожень под кору берёзы. Именно не под бересту, а под самую кору. Рожень входил трудно, но с каждым разом подныривался легче и дальше, и в конце концов дядя Илья подсочил по кругу весь сколотень – с одной и с другой стороны. Я поразился, как туго подавался береста, какая у неё открылась резиновая эластичность, с каким упругим звуком, не то треском, не то скрипом, не то хрустом она отходила от ствола, и как выпирала бугром над роженем, и как этот бугор вздувался и бежал под напрягшейся шкурой, повторяя броски рожня. Но самое чудо произошло дальше, когда дядя Илья обнял сколотень двумя руками из-под низу и, прижав подбородком, напрягшись до красноты, резким рывком сорвал-провернул сколотень и сдвинул по скользкому блестящему берёзовому боку к вершине.

Дома я сделал туес. Рубашка и сколотень смотрят друг на друга белой стороной бересты. Рубашка оборачивает сколотень. Она сворачивается из прямоугольного куска бересты и заделывается в замок. Замки бывают разной формы, их вырубают высечкой. Рубашка надевается втугую на сколотень. По низу туес охватывается берестяным пояском. Потом из дощечки вырезается донце. Низ туеса вываривается в кипятке и становится таким волшебноподатливым и эластичным, что донце только что не желавшее влезать, постепенно входит, встаёт на место, и когда туес высыхает, с такой железной силой оказывается охваченным берестой, что не пропускает никакой жидкости. В верхней части туеса сколотень несколько выступает за рубашку, этот воротничок вываривается и заворачивается на рубашку, образуя крепкий и великолепный ободок. В него вставляется крышечка, выпиленная из дощечки, с берестяной ручкой. Жёлтый, солнечный, свежий туес готов, и сразу вспоминается вся наша история, целые поколения русских людей, хранивших в туесах молоко, сливки, квас, ягоду, и счастье от твоего приобщения к мастерской культуре даёт

ощущение небывалой твёрдости и правоты жизни, не передать которую нашим детям – преступление.

Сразу многие мужики тоже захотели сделать туес, даже мой друг, старший товарищ и учитель Геннадий. А я вспоминал, как туго схватился сколотень с рубашкой, и какую они, оба ещё такие хлябающие, опасно тонкие, получили вдруг могучую натяжку, и какой красивой змейкой пролёг шов замка! Прежде я видел только старые, затёртые до хмурого блеска туеса, пропитанные соком ягоды, исцарапанные, смуглые от времени, а тут из-под рук вышла-родилась та же священная древняя форма, и меня будто подняло на мощной волне времени и охлестнуло этим великим приобщением к трудовой истории.

Какое веселие Божие было в этом берестяном празднике, какая благодарность берёзе, отдавшей свою плоть, какая детская радость сияла в глазах дедушки Ильи, когда сорвался сколотень, так туго сидевший на стволе! Спасибо тебе, дедка!